

ЭБЕН АЛЕКСАНДЕР

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО РАЯ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
ПУТЕШЕСТВИЯ
НЕЙРОХИРУРГА
В ЗАГРОБНЫЙ МИР

ИЗДАНО В **30** СТРАНАХ

«Замечательная
история о путешествии
в жизнь после смерти и
возвращении обратно.
Очень рекомендую!»

Артём Рублёв,
автор книги «Предназначение»,
президент сообщества INSIDE
@rublevkalive

11 000
ОТЗЫВОВ НА
AMAZON.COM

Жизнь после жизни

Эбен Александер

**Доказательство рая. Подлинная
история путешествия
нейрохирурга в загробный мир**

«ЭКСМО»

2012

УДК 128
ББК 87.2

Александр Э.

Доказательство рая. Подлинная история путешествия нейрохирурга в загробный мир / Э. Александр — «Эксмо», 2012 — (Жизнь после жизни)

ISBN 978-5-04-095338-7

Всю свою жизнь нейрохирург Эбен Александр считал себя скептиком и материалистом. И, как и многие врачи и ученые, полагал, что наука и вера в существование Рая, Бога и души мало совместимы. Что же касается рассказов об околосмертных переживаниях и видениях Небес... это всего лишь игра больного воображения. Все изменилось, когда доктор Александр стал жертвой смертельной болезни и сам оказался на больничной койке. Он провел в коме семь дней, и, когда врачи уже отчаялись и решили прекратить лечение, внезапно открыл глаза и пришел в себя. А потом рассказал о невероятном путешествии своей души за пределы нашего мира и встрече с божественным источником Вселенной, перевернувшей все его мировоззрение. Сейчас доктор Александр – врач, верящий, что настоящее исцеление возможно только тогда, когда мы осознаем, что Бог и душа существуют, а смерть – не конец, а лишь переход к чему-то большему. Его книга подарила надежду миллионам людей, жаждущих обрести смысл бытия. Она издана уже в 30 странах мира и вот уже более пяти лет является книгой № 1 о жизни после смерти.

УДК 128
ББК 87.2

ISBN 978-5-04-095338-7

© Александер Э., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	7
Глава 1	13
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эбен Александер
Доказательство рая. Подлинная
история путешествия
нейрохирурга в загробный мир

Eben Alexander

PROOF OF HEAVEN: A NEUROSURGEON'S JOURNEY INTO THE AFTERLIFE

© 2012 by Eben Alexander, M.D.

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов Ross Yoon Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Пролог

*Человек должен полагаться на то, что есть, а не на то, чему
якобы следует быть.*
Альберт Эйнштейн

В детстве мне часто снилось, что я летаю.

Обычно это происходило так: я стоял во дворе, глядя на звезды, и вдруг меня подхватывал ветер и уносил вверх. Оторваться от земли получалось само собой, но чем выше я поднимался, тем больше полет зависел от меня. Если я был перевозбужден, слишком полно отдавался ощущениям, то с размаху шлепался на землю. Но если мне удавалось сохранять спокойствие и хладнокровие, я взлетал все быстрее и быстрее – прямо в звездное небо.

Возможно, из этих снов и выросла моя любовь к парашютам, ракетам и самолетам – ко всему, что могло вернуть меня в заоблачный мир.

Когда мы с семьей летели куда-нибудь на самолете, я не отлипал от иллюминатора со взлета и до самой посадки. Летом 1968 года, когда мне было четырнадцать лет, я потратил все заработанные стрижкой газонов деньги на уроки по планеризму. Обучал меня парень по имени Гус Стрит, и наши занятия проходили в Струберри-Хилл, на маленьком травяном «аэродроме» к западу от Уинстон-Сейлема – городка, в котором я вырос. До сих пор помню, как колотилось сердце, когда я тянул большую красную ручку, сбрасывал буксировочный трос, за который мой планер был привязан к самолету, и закладывал вираж к летному полю. Тогда я впервые ощутил себя по-настоящему самостоятельным и свободным. Большинство моих друзей обрело это чувство за рулем машины, но в трехстах метрах над землей оно ощущается в сто раз острее.

В 1970 году, уже в колледже, я вступил в команду клуба парашютного спорта при Университете Северной Каролины. Это было как тайное братство – группа людей, которые занимаются чем-то исключительным и волшебным. Прыгая в первый раз, я боялся до дрожи, а во второй раз мне было еще страшнее. Только на двенадцатом прыжке, когда я шагнул за дверь самолета и пролетел более трехсот метров до раскрытия парашюта (мой первый прыжок с десятисекундной задержкой), я почувствовал себя в родной стихии. К окончанию колледжа на моем счету было триста шестьдесят пять прыжков и почти четыре часа свободного падения. И хотя в 1976 году я прекратил прыгать, мне все так же – отчетливо, как наяву, – снились затяжные прыжки, и это было чудесно.

Лучшие прыжки получались ближе к вечеру, когда солнце клонилось к горизонту. Трудно описать, что я ощущал при этом: чувство близости к чему-то, что я не мог толком назвать, но чего мне всегда не хватало. И дело не в уединении – наши прыжки не имели ничего общего с одиночеством. Мы прыгали пятером, шестером, а иногда по десять или двенадцать человек одновременно, выстраивая фигуры в свободном падении. Чем больше группа и сложнее фигура, тем интереснее.

Однажды чудесным осенним днем 1975 года мы с университетской командой собрались у нашего друга в парашютном центре, чтобы отработать групповые прыжки. Хорошо потрудившись, напоследок мы выпрыгнули из «Бичкрафт D-18» на высоте трех километров и составили «снежинку» из десяти человек. Нам удалось соединиться в совершенную фигуру и пролететь так больше двух километров, в полной мере насладившись восемнадцатисекундным свободным падением в глубокой расселине между двумя высоченными кучевыми облаками. Затем на высоте одного километра мы рассыпались и разошлись по своим траекториям, чтобы раскрыть парашюты.

Когда мы приземлились, уже стемнело. Однако мы второпях запрыгнули в другой самолет, быстро взлетели и сумели застать в небе последние лучи солнца, чтобы совершить второй закатный прыжок. На этот раз с нами прыгало двое новичков – это была их первая попытка поучаствовать в построении фигуры. Им предстояло присоединиться к фигуре снаружи, а не находиться в ее основании, что гораздо проще: в этом случае ваша задача – просто падать вниз, пока другие маневрируют к вам. Это был волнующий момент как для них, так и для нас, опытных парашютистов, ведь мы создавали команду, делились опытом с теми, с кем в дальнейшем могли бы составлять еще более крупные фигуры.

Я должен был последним присоединиться к шестилучевой звезде, которую мы собирались построить над взлетной полосой маленького аэропорта возле Роанок-Рapidса, Северная Каролина. Парня, который прыгал передо мной, звали Чак, и у него был немалый опыт в построении фигур в свободном падении. На высоте двух с лишним километров мы еще купались в лучах солнца, а на земле под нами уже мигали уличные фонари. Прыгать в сумерках – это всегда потрясающе, и этот прыжок обещал стать просто прекрасным.

– Три, два, один... пошел!

Я выпал из самолета буквально через секунду после Чака, однако мне нужно было спешить, чтобы успеть поравняться с друзьями, когда они начнут выстраиваться в фигуру. Секунд семь я несся вниз головой как ракета, что позволило мне снижаться со скоростью почти сто шестьдесят километров в час и догнать остальных.

В головокружительном полете вверх ногами, почти достигнув критической скорости, я улыбался, второй раз за день любясь закатом. На подлете к остальным я планировал применить «воздушный тормоз» – матерчатые «крылья», которые тянулись у нас от запястья до бедра и резко замедляли падение, если их развернуть на высокой скорости. Я раскинул в стороны руки, распуская широченные рукава и тормозя в потоке воздуха.

Однако что-то пошло не так.

Подлетая к нашей «звезде», я увидел, что один из новичков разогнался слишком сильно. Может быть, падение между облаками испугало его – заставило вспомнить, что со скоростью шестьдесят метров в секунду он приближается к огромной планете, полускрытой сгущающейся ночной мглой. Вместо того чтобы медленно прицепиться к краю «звезды», он врезался в нее, так что она рассыпалась, и теперь пятеро моих друзей кувыркались в воздухе как попало.

Обычно в групповых затяжных прыжках на высоте в один километр фигура распадается, и все разлетаются как можно дальше друг от друга. Затем каждый дает отмашку рукой в знак готовности раскрыть парашют, смотрит вверх, чтобы убедиться, что над ним никого нет, и только после этого дергает вытяжной трос.

Но они были слишком близко друг к другу. Парашютист оставляет за собой воздушный след с высокой турбулентностью и низким давлением. Если другой человек попадет в этот след, его скорость немедленно возрастет, и он может упасть на того, кто находится ниже. Это, в свою очередь, придаст ускорение им обоим, и они уже вдвоем могут врезаться в того, кто окажется под ними. Иными словами, именно так и происходят катастрофы.

Я изогнулся и полетел прочь от группы, чтобы не попасть в эту кувыркающуюся массу. Я маневрировал, пока не оказался прямо над «пятном» – магической точкой на земле, над которой мы должны были раскрыть свои парашюты для неспешного двухминутного спуска.

Я оглянулся и испытал облегчение – дезориентированные парашютисты отдалялись друг от друга, так что смертельно опасная куча мала понемногу рассеивалась.

Однако, к своему удивлению, я увидел, что Чак направился в мою сторону и остановился прямо подо мной. Со всей этой групповой акробатикой мы проскочили отметку в шестьсот метров быстрее, чем он рассчитывал. А может быть, он считал себя счастливчиком, которому не обязательно скрупулезно следовать правилам.

«Он, должно быть, не видит меня», – не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как из рюкзака Чака вылетел яркий вытяжной парашют. Он поймал воздушный поток, проносившийся со скоростью почти двести километров в час, и выстрелил прямо в меня, вытягивая за собой главный купол.

С момента, как я увидел вытяжной парашют Чака, у меня оставалась буквально доля секунды, чтобы отреагировать. Потому что через мгновение я бы свалился на раскрывшийся основной купол, а затем – весьма вероятно – и на самого Чака. Если бы на такой скорости я задел его руку или ногу, я бы оторвал их напроочь. Если бы я упал прямо на него, наши тела разлетелись бы на кусочки.

Люди говорят, что в таких ситуациях время замедляется, и они правы. Мое сознание отслеживало происходящее по микросекундам, как если бы я смотрел кино в сильно замедленной съемке.

Я лицом к лицу столкнулся с миром сознания, который существует абсолютно независимо от ограничений физического мозга

Sf лицом к лицу столкнулся с миром сознания, который существует абсолютно независимо от ограничений физического мозга.

Как только я увидел вытяжной парашют, я прижал руки к бокам и выпрямил тело в вертикальном прыжке, слегка согнув ноги. Такое положение придало мне ускорение, а изгиб обеспечил телу горизонтальное перемещение – сначала небольшое, а затем подобное порыву ветра, подхватившего меня, как будто мое тело стало крылом. Я смог проскочить мимо Чака, прямо перед его ярким десантным парашютом.

Мы разошлись на скорости свыше двухсот сорока километров в час, или шестидесяти семи метров в секунду. Я сомневаюсь, что Чак мог разглядеть выражение моего лица, но если бы смог, то увидел бы, как я поражен. Каким-то чудом я среагировал на ситуацию за микросекунды, причем так, как вряд ли смог бы, будь у меня время на раздумья – слишком сложно рассчитать такое точное движение.

И все же... Я сумел это сделать, и мы оба нормально приземлились. Мой мозг, оказавшись в отчаянной ситуации, на миг как будто обрел суперсилу.

Как я это сделал? За время более чем двадцатилетней карьеры нейрохирурга, когда я изучал мозг, наблюдал за его работой и делал операции на нем, у меня было много возможностей исследовать этот вопрос. Но в итоге я смирился с тем, что мозг и вправду поразительное устройство – мы и представить себе не можем насколько.

Теперь я понимаю, что ответ нужно было искать гораздо глубже, но я должен был пройти через полную метаморфозу своей жизни и мировоззрения, чтобы разглядеть это. Моя книга – про события, которые изменили мои взгляды и убедили меня, что, каким бы великолепным механизмом ни был наш мозг, вовсе не он спас мне жизнь в тот день. То, что пришло в действие в миг, когда парашют Чака начал открываться, – это другая, более глубокая часть меня. Часть, которая может двигаться так стремительно, поскольку не привязана ко времени, как мозг и тело.

Фактически это она заставляла меня так тосковать по небу в детстве. Это не только самая умная часть человека, но также и самая глубокая, и все же большую часть своей взрослой жизни я не мог поверить в нее.

Но я верю сейчас, и на следующих страницах расскажу вам почему.

Я нейрохирург. В 1976 году окончил Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл, где специализировался на химии, а в 1980 году получил звание доктора медицины в Медицинской школе Дюкского университета. Все одиннадцать лет учебы и ординатуры в многопрофильной больнице Массачусетса и в Гарварде я специализировался на нейроэндокринологии.

Эта наука изучает, как взаимодействуют между собой нервная и эндокринная системы. Два года из этих одиннадцати я исследовал патологическую реакцию кровеносных сосудов при кровотечении из аневризмы – синдром, известный как церебральный вазоспазм.

Аспирантуру по цереброваскулярной нейрохирургии я прошел в городе Ньюкасл-апон-Тайн в Великобритании, после чего пятнадцать лет проработал адъюнкт-профессором хирургии со специализацией на нейрохирургии в Медицинской школе Гарварда. За эти годы я прооперировал бесчисленное количество пациентов, многие из которых были в тяжелом и критическом состоянии.

Большую часть своей исследовательской работы я посвятил развитию высокотехнологичных процедур, таких как стереотаксическая радиохирургия – техника, которая позволяет хирургам направлять луч радиации на цель глубоко в мозге, не задевая соседние области. Я помогал развивать нейрохирургические процедуры, основанные на снимках МРТ, которые применяются при трудноизлечимых недугах – опухолях или дефектах сосудов головного мозга. За эти годы я стал автором или соавтором более ста пятидесяти статей для специализированных медицинских журналов и представлял свои разработки на более чем двухстах медицинских конференциях по всему миру.

Одним словом, я посвятил себя науке. Применять инструменты современной медицины для лечения людей, узнавать все больше о работе человеческого мозга и тела – вот что было моим жизненным призванием. Я был невыразимо счастлив оттого, что нашел его. Но не меньше работы я любил свою семью – жену и двоих славных детей, которую полагал еще одним великим благом в своей жизни. Во многих отношениях я был очень везучим человеком – и знал это.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОД ЛЮБЯЩИМ ВЗГЛЯДОМ ЗАБОТЛИВОГО БОГА, КОТОРЫЙ СЛЕДИТ ЗА ВСЕЛЕННОЙ И ВСЕМ СУЩИМ, ЗАКЛЮЧЕННЫМ В НЕЙ.

И вот 10 ноября 2008 года, когда мне было пятьдесят четыре, отпущенная мне удача, по-видимому, закончилась. Меня поразила редкая болезнь, и я пробыл в коме семь дней. На эту неделю вся кора моего головного мозга – именно та часть, которая делает нас людьми, – отключилась. Отказала напрочь.

Когда ваш мозг перестает существовать, вас тоже не существует. Работая нейрохирургом, я слышал множество историй о людях, которые пережили удивительные приключения, обычно после остановки сердца: они путешествовали по таинственным, чудесным местам, разговаривали с умершими родственниками, даже встречались с самим Всевышним.

Поразительные вещи, никто не спорит, но все они, по-моему, плод фантазии. Что вызывает эти потусторонние переживания у людей? Я не знаю, но мне известно, что все видения исходят из мозга, все сознание зависит от него. Если мозг не работает, нет и сознания.

Потому что мозг – это машина, которая вырабатывает в первую очередь сознание. Когда машина ломается, сознание останавливается. При бесконечной сложности и загадочности про-

цессов, происходящих в мозге, вся суть его работы сводится к этому. Вытащите вилку из розетки – и телевизор замолчит. Занавес. И не важно, нравилось ли вам представление.

Примерно так я излагал бы вам суть дела до того, как отказал мой собственный мозг.

Пока я находился в коме, мой мозг не то что работал неправильно, он совсем не работал. Сейчас я полагаю, что именно поэтому кома, в которую я впал, была настолько глубокой. Во многих случаях клиническая смерть наступает, когда сердце человека останавливается. Тогда кора мозга временно бездействует, но не испытывает большого ущерба для себя при условии, что приток крови, насыщенной кислородом, восстанавливается в течение примерно четырех минут – человеку делают искусственное дыхание, или его сердце снова начинает биться. Но в моем случае кора головного мозга была вообще не у дел. И тогда я лицом к лицу столкнулся с миром сознания, который существует абсолютно независимо от ограничений физического мозга.

Я ценю свою жизнь сильнее, чем когда-либо, потому что теперь вижу ее в истинном свете.

Мой случай – это в каком-то смысле «идеальный шторм»¹ клинической смерти: все обстоятельства сошлись так, что хуже некуда. Как у практикующего нейрохирурга с многолетним опытом исследований и работы в операционной у меня было больше возможностей не только оценить вероятные последствия болезни, но и проникнуть в глубинный смысл того, что со мной случилось.

Этот смысл ужасно трудно описать. Кома показала мне, что смерть тела и мозга – это не конец сознания, что человеческий опыт продолжается за гробом. А еще важнее то, что он продолжается под любящим взглядом заботливого Бога, который следит за Вселенной и всем сущим, заключенным в ней.

Место, куда я попал, было настолько реальным, что наша здешняя жизнь по сравнению с ним выглядит призрачной. Это совсем не значит, что я не ценю свою нынешнюю жизнь, нет, сейчас я ценю ее сильнее, чем когда-либо. Это потому, что теперь я вижу ее в истинном свете.

Земная жизнь вовсе не бессмысленна, но изнутри нам этого не видно – по крайней мере, большую часть времени. То, что случилось со мной, пока я лежал в коме, – без сомнения, самое важное, о чем я могу поведать. Но сделать это будет непросто, потому что постичь реальность по ту сторону смерти очень нелегко. И потом, не могу же я кричать о ней с крыши. Однако мои заключения основываются на медицинском анализе полученного опыта и на самых передовых научных концепциях мозга и сознания. Как только я осознал правду о своем путешествии, я понял, что обязан рассказать о нем. Сделать это должным образом стало главной задачей моей жизни.

Это не значит, что я оставил медицину и нейрохирургию. Но теперь, когда я удостоился привилегии понять, что наша жизнь не заканчивается со смертью тела или мозга, я вижу свой долг, свое призвание в том, чтобы рассказать об увиденном вне тела и вне этого мира. Особенно мне не терпится донести свою историю до людей, которые, возможно, уже слышали подобные рассказы и хотели бы поверить им, да не могут.

Именно таким людям я в первую очередь адресую эту книгу. То, что я должен вам сказать, так же важно, как рассказы других, и все это правда.

¹ Идеальный шторм – английский фразеологизм, означающий необычайно свирепую бурю, которая возникает из-за сочетания нескольких неблагоприятных обстоятельств и вызывает особенно сильные разрушения. – *Примеч. ред.*

Глава 1

Боль

Линчберг, Виргиния, 10 ноября 2008 года.

Я открыл глаза. Часы с красной подсветкой на прикроватном столике показывали 4:30 утра – обычно я просыпаюсь на час позже, благо дорога от нашего дома в Линчберге до Фонда фокусированно-ультразвуковой хирургии в Шарлоттсвилле, где я работаю, занимает всего семнадцать минут. Моя жена Холли крепко спала рядом.

Мы с семьей переехали в виргинские горы всего два года назад, в 2006 году, а до этого я почти двадцать лет занимался академической нейрохирургией в Большом Бостоне.

С Холли мы познакомились в октябре 1977 года, через два года после окончания колледжа. Холли совершенствовалась в изящных искусствах, а я учился в медицинской школе. Она тогда встречалась с Виком, моим соседом по комнате. Однажды мы с ним договорились встретиться, и он привел ее с собой – наверное, чтобы похвастаться. Когда мы прощались, я сказал Холли, что она может прийти когда пожелает, и добавил, что Вика брать с собой вовсе не обязательно.

Наконец мы договорились о первом настоящем свидании. Мы ехали в машине на вечеринку в Шарлотт – это два с половиной часа езды в один конец. У Холли был ларингит, так что 99 % времени мне приходилось говорить за двоих. Это было легко.

Мы поженились в июне 1980 года в Виндзоре, Северная Каролина, в епископальной церкви Святого Томаса, и переехали в апартаменты «Королевские Дубы» в Дареме, где я стажировался в хирургии в Дюке. В этом месте не было ничего королевского, и я не припомню там ни одного дуба. У нас было очень мало денег, но мы оба были очень заняты делом и так счастливы вместе, что нас это нисколько не беспокоило.

Один из своих первых отпусков мы провели в весеннем палаточном туре по пляжам Северной Каролины. Весна – сезон мошки в Каролине, а наша палатка не очень-то защищала от этой напасти. Однако это не испортило нам удовольствия. Как-то раз вечером, плавая на отмелях Окракока, я придумал, как ловить голубых крабов, которые разбегались из-под ног. Мы наловили их целую гору, притащили в мотель «Пони Айленд», где жили наши друзья, и приготовили их на гриле. Крабов хватило на всех.

Несмотря на режим жесткой экономии, вскоре мы обнаружили, что прочно сидим на мели. Однажды нам взбрело в голову поиграть в бинго с нашими лучшими друзьями Биллом и Патти Вильсон. Вот уже десять лет каждое лето по четвергам Билл играл в бинго – и ни разу не выиграл. Холли же до этого никогда не играла в бинго. Называйте это везением новичка или вмешательством провидения, но она выиграла двести долларов! На тот момент для нас это было все равно что пять тысяч. Эти деньги покрыли расходы на наше путешествие, и нам стало гораздо спокойнее.

В 1980 году я стал доктором медицины, а Холли получила степень и начала свою карьеру художника и преподавателя. В 1981 году я провел первую самостоятельную операцию на мозге. Наш первенец, Эбен IV, появился на свет в 1987 году в роддоме Принцессы Мэри в Ньюкасл-апон-Тайне в Северной Англии, где я проходил ординатуру по цереброваскулярной хирургии. Младший сын, Бонд, родился в 1998 году в бостонской больнице Бригам энд Уоменс.

Пятнадцать лет я проработал в Гарвардской медицинской школе и больнице Бригам энд Уоменс, и это были хорошие времена. Наша семья дорожит воспоминаниями об этих годах, проведенных в Большом Бостоне. Но в 2005 году мы с Холли решили, что настало время вернуться на Юг. Мы хотели быть ближе к нашим родным, а для меня это была возможность обрести большую самостоятельность. Так что весной 2006 года мы начали новую жизнь в

Линчберге, в горах Виргинии. Обустройство не заняло много времени, и вскоре мы уже наслаждались более привычным для нас, южан, размеренным ритмом жизни.

Но вернемся к основному повествованию. Я резко проснулся и какое-то время просто лежал, вяло пытаясь сообразить, что меня разбудило. Вчера было воскресенье – ясное, солнечное и морозное, классическая поздняя осень в Виргинии. Мы с Холли и десятилетним Бондом ходили на барбекю к соседям. Вечером разговаривали по телефону с Эбеном IV – ему было двадцать, и он учился в Делавэрском университете. Единственная неприятность – легкий грипп, от которого мы не совсем оправились с прошлой недели. Перед сном у меня заболела спина, и я немного полежал в ванне, после чего боль утихла. Я подумал, что, возможно, проснулся так рано потому, что во мне все еще сидел вирус.

Я слегка пошевелился, и волна боли пронзила позвоночник – гораздо сильнее, чем накануне. Очевидно, грипп снова дал о себе знать. Чем больше я просыпался, тем сильнее становилась боль. Поскольку о сне не могло быть и речи, а у меня был в запасе целый час, я решил еще раз принять теплую ванну. Я сел на кровати, спустил ноги на пол и встал.

Боль стала гораздо сильнее – теперь она монотонно пульсировала глубоко в основании позвоночника. Стараясь не разбудить Холли, я на цыпочках прошел через холл к ванной.

Я открыл воду и опустился в ванну, уверенный, что тепло немедленно принесет облегчение. А зря. К тому времени, как ванна наполнилась наполовину, я уже знал, что совершил ошибку. Мне не просто стало хуже – спина заболела так, что я испугался, как бы не пришлось звать Холли, чтобы выбраться из ванны.

Размышляя над комизмом ситуации, я дотянулся до полотенца, свисающего с вешалки прямо надо мной. Сдвинув его так, чтобы не вырвать вешалку из стенки, я начал плавно подтягиваться вверх.

Новый удар боли пронзил спину – я даже охнул. Это определенно был не грипп. Но тогда что? Выбравшись из скользкой ванны и накинув красный плюшевый халат, я медленно побрел обратно в спальню и рухнул на кровать. Тело было уже влажное от холодного пота.

Холли зашевелилась и перевернулась на другой бок.

– Что случилось? Который час?

– Я не знаю, – сказал я. – Спина. Очень болит.

Холли начала растирать мне спину. Как ни странно, мне стало чуть лучше. Врачи, как правило, очень не любят болеть, и я не исключение. В какой-то момент я решил, что боль – что бы ни было ее причиной – наконец начала стихать. Однако к 6:30 – в это время я обычно уезжал на работу – я все еще испытывал адские муки и фактически был парализован.

В 7:30 в нашу спальню зашел Бонд и полюбопытствовал, почему я все еще дома.

– Что случилось?

– Твой отец чувствует себя не очень хорошо, милый, – сказала Холли.

Я все еще лежал на кровати, голова на подушке. Бонд подошел и начал мягко массировать мне виски.

От его прикосновения мою голову будто пронзило молнией – еще худшая боль, чем в спине. Я вскрикнул. Не ожидавший такой реакции Бонд отскочил.

– Все нормально, – сказала Холли, хотя на лице у нее было написано другое. – Ты тут ни при чем. У папы ужасно болит голова.

Затем она сказала, обращаясь больше к себе, чем ко мне:

– Я вот думаю, не вызвать ли скорую.

Если есть что-то, что врачи ненавидят еще больше, чем болеть, – это лежать в приемном отделении в роли пациента, доставленного скорой помощью. Я живо представил себе приезд бригады скорой – как они заполняют весь дом, задают бесконечные вопросы, везут меня в больницу и заставляют заполнять кучу бумаг... Я подумал, что вскоре мне станет лучше и не стоит вызывать неотложку по пустякам.

– Нет, все в порядке, – сказал я. – Сейчас плохо, но, похоже, скоро все пройдет. Лучше помоги Бонду собраться в школу.

– Эбен, я думаю...

– Все будет хорошо, – прервал я жену, не отрывая лица от подушки. Я все еще был парализован болью. – Серьезно, не надо звонить 911. Я не настолько болен. Это просто мышечный спазм в нижней части спины, да еще головная боль в придачу.

Скрепя сердце Холли повела Бонда вниз. Она покормила его завтраком, и он ушел к другу, с которым должен был ехать в школу. Как только за ним закрылась входная дверь, мне пришло в голову, что, если я серьезно болен и все же окажусь в больнице, вечером мы не увидимся. Я собрался с силами и хрипло крикнул ему вслед: «Хорошего дня в школе, Бонд».

Новый удар боли пронзил спину – я даже охнул. Это определенно был не грипп. Но тогда что?

К тому времени, как Холли поднялась наверх, чтобы проверить мое самочувствие, я уже провалился в беспамятство. Она подумала, что я задремал, решила меня не беспокоить и спустилась вниз, чтобы позвонить моим коллегам в надежде узнать, что могло со мной приключиться.

Через два часа Холли, полагая, что я отдохнул достаточно, вернулась проводить меня. Толкнув дверь спальни, она заглянула внутрь, и ей показалось, что я лежу как лежал. Но, присмотревшись получше, она заметила, что мое тело больше не расслаблено, а напряжено, как доска. Она включила свет и увидела, что я бешено дергаюсь, моя нижняя челюсть неестественно выпячена вперед, а глаза открыты и закатились вверх.

– Эбен, скажи что-нибудь! – закричала Холли. Когда я не ответил, она набрала 911. Не прошло и десяти минут, как прибыла скорая, они быстро погрузили меня в машину и повезли в многопрофильный госпиталь Линчберга.

Будь я в сознании, я бы рассказал Холли, что со мной происходило в те жуткие минуты, пока она ждала скорую помощь: сильнейший эпилептический припадок, вызванный, без сомнения, каким-то очень сильным воздействием на мозг.

Но я, конечно, не мог этого сделать.

Следующие семь дней я был только телом. Я не помню, что происходило в этом мире, пока я был без сознания, и могу лишь пересказать с чужих слов. Мой ум, мой дух – как ни назови центральную, человеческую часть меня – все это исчезло.

Глава 2

Больница

Приемное отделение многопрофильного госпиталя Линчберга – второе по загруженности в Виргинии, и, как правило, в 9:30 утра по будням там самый разгар работы. Этот понедельник не был исключением. К счастью, хотя большую часть времени я работал в Шарлоттсвилле, в госпитале Линчберга за мной числилось немало операций, и я знал здесь всех и каждого.

Лаура Поттер, врач-реаниматолог, которую я хорошо знал и с которой мы тесно сотрудничали почти два года, приняла звонок из скорой о том, что пятидесятичетырехлетний мужчина в состоянии эпилепсии вот-вот прибудет в приемное отделение. По дороге ко входу в больницу она мысленно перечисляла возможные причины такого состояния пациента. Окажись я на ее месте, я бы шел точно по такому же списку: похмельный синдром, передозировка наркотиков, гипонатремия (слишком низкий уровень содержания натрия в крови), инсульт, метастазы или первичная опухоль в мозге, интрапаренхиматозное(внутримозговое) кровоизлияние, абсцесс мозга... и менингит.

Пока бригада скорой помощи везла меня в реанимацию, я бился в конвульсиях, периодически постанывая и непроизвольно дергая руками и ногами.

По тому, как я бредил и корчился, доктор Поттер сразу поняла, что с моим мозгом творится что-то неладное. Одна медсестра привезла каталку, другая взяла кровь, третья заменила пустую капельницу, которую врачи скорой поставили мне еще дома. Пока они возились со мной, я бился, как шестифутовая рыба, вытащенная из воды. Я издавал поток бессмысленных звуков и нечеловеческих воплей. Кроме самого приступа, Лауру обеспокоило то, что движения моего тела были несимметричны. Это могло означать, что мой мозг не просто находится под ударом, а необратимо разрушается прямо на глазах.

Чтобы иметь дело с пациентами в таком состоянии, нужна привычка, но Лаура за многие годы работы в реанимации навиделась всякого. И все же ей никогда не доводилось принимать коллег-врачей. Присмотревшись к корчащемуся, кричащему пациенту на каталке, она проговорила, обращаясь больше к самой себе: «Эбен». Затем повторила громче – уже врачам и медсестрам поблизости: «Это Эбен Александер».

Почти весь персонал, который мог ее слышать, собрался вокруг каталки. Холли, приехавшая вслед за скорой, протолкалась сквозь эту толпу, и Лаура обрушила на нее град вопросов о самых вероятных причинах моего состояния. Воздерживался ли я от алкоголя? Не принимал ли тяжелых галлюциногенных наркотиков? Затем она попыталась купировать приступ.

В последние месяцы Эбен IV усиленно тренировал меня для запланированного нами – отец с сыном – восхождения на гору Котопахи в Эквадоре, на которой он побывал в прошлом феврале. Благодаря этим тренировкам я стал гораздо крепче, так что ординаторам пришлось изрядно потрудиться, чтобы успокоить меня. Мне ввели пятнадцать миллиграмм диазепама внутривенно, но спустя пять минут я все еще продолжал бредить и пытался драться со всеми. Однако теперь, к облегчению доктора Поттер, сражались обе половины моего тела. Холли рассказала о сильнейшей головной боли, которая мучила меня перед приступом, и Лаура решила сделать поясничную пункцию – процедуру, во время которой из нижнего отдела позвоночника извлекают немного спинномозговой жидкости.

Когда бактерия нападает, тело немедленно защищается, высылая штурмовые отряды белых кровяных клеток, чтобы противостоять вторжению.

Спинномозговая жидкость – это прозрачная водянистая субстанция, которая омывает поверхность спинного и головного мозга, амортизируя внешнее воздействие. В день здоровое человеческое тело вырабатывает около полулитра этой жидкости. По ее прозрачности можно судить о наличии кровоизлияния или инфекции – менингита.

Это воспаление мягких оболочек, которые выстилают изнутри позвоночник и череп и находятся в прямом контакте со спинномозговой жидкостью. В четырех случаях из пяти болезнь бывает вызвана вирусом. Вирусный менингит может серьезно подорвать здоровье пациента, но смерть наступает лишь в 1 % случаев. Реже менингит вызывает бактерия, которая, будучи примитивнее вируса, может оказаться более опасным врагом. Случаи бактериального менингита неизбежно фатальны, если их не лечить. Но даже если лечение проводится быстро и правильными антибиотиками, вероятность смертельного исхода высока – от 15 до 40 %.

Одна из наиболее редких бактерий, вызывающих менингит у взрослых, – это древняя бактерия *Escherichia coli*, более известная как *E. coli*. Никто точно не знает, когда она возникла, приблизительно ее возраст оценивается в три – четыре миллиарда лет. У нее нет ядра, и она размножается примитивным, но очень эффективным способом – неполовым делением (иными словами, она просто делится надвое). Представьте себе клетку, наполненную преимущественно ДНК, которая вбирает в себя питательные вещества (обычно из окружающих ее клеток, которые она атакует и переваривает) прямо через клеточную мембрану. А теперь представьте, что она может копировать несколько нитей ДНК одновременно и делиться надвое каждые двадцать минут или около того. Через час их будет восемь. Через двенадцать часов – шестьдесят девять миллиардов. Через пятнадцать часов – тридцать пять триллионов. Этот сумасшедший рост численности может замедлить только нехватка питательных веществ.

Кроме того, *E. coli* очень «неразборчива в связях». Она может внедрять свои гены в другие бактерии с помощью процесса бактериальной конъюгации, что позволяет ее клеткам быстро приобретать устойчивость к новым антибиотикам, когда это необходимо. Благодаря этой способности, *E. coli* дожила с тех времен, как возникла одноклеточная жизнь, до наших дней. Эта бактерия есть у всех нас – в основном в кишечнике. В обычных условиях она нам ничем не угрожает. Но когда мутировавшая *E. coli* с такими нитями ДНК, которые делают ее особенно агрессивной, проникает в спинномозговую жидкость, эти примитивные клетки начинают неудержимо поглощать глюкозу и вообще все, до чего могут дотянуться, в том числе сам мозг.

СЛЕДУЮЩИЕ СЕМЬ ДНЕЙ Я БЫЛ ТОЛЬКО ТЕЛОМ. МОЙ УМ, МОЙ ДУХ – КАК НИ НАЗОВИ ЦЕНТРАЛЬНУЮ, ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЧАСТЬ МЕНЯ – ВСЕ ЭТО ИСЧЕЗЛО.

Тогда в реанимации никому и в голову не приходило, что у меня менингит, вызванный *E. coli*. У них не было никаких причин подозревать это. Такое заболевание среди взрослых встречается астрономически редко. Обычно эта бактерия поражает новорожденных, но уже среди младенцев старше трех месяцев вероятность встретить такую разновидность менингита исчезающе мала. Среди взрослых ежегодных случаев заражения – меньше чем один на десять миллионов.

При бактериальном менингите прежде всего страдает наружная оболочка мозга (кортекс), ее еще называют корой. Кора апельсина служит прекрасной моделью того, как кортекс окружает более простые доли мозга. Кора отвечает за память, язык, эмоции, визуальное и звуковое восприятие, а также за логику. Так что когда *E. coli* вторгается в мозг, прежде всего страдают те его участки, которые отвечают за наши человеческие качества. Большинство жертв бактериального менингита умирает уже через несколько дней. Из тех, кто попадает в реанимацию с резким спадом неврологических функций, как я, выживает только 10 %. Да и то это сомнительное везение, поскольку многие из них проводят остаток жизни в вегетативном состоянии.

Хотя доктор Поттер и подумать не могла на менингит, вызванный *E. coli*, она заподозрила, что мой мозг разрушает какая-то инфекция, потому и решила сделать пункцию. Но не успела она послать одну из сестер за необходимыми инструментами и начать готовить меня к процедуре, как мое тело напряглось, как будто через каталку пропустили электрический ток. Я испустил громкий агонизирующий стон, выгнул спину и бешено замолотил руками воздух. Лицо мое покраснело, вены на шее набухли. Лаура закричала, призывая кого-нибудь на помощь, и вскоре двое, затем четверо, а в конце концов шестеро санитаров навалились на меня, пытаясь удержать. Они зафиксировали мое тело в позе эмбриона, пока Лаура вводила еще одну дозу успокоительного. Наконец они смогли утихомирить меня настолько, чтобы можно было ввести иглу в позвоночник.

Когда бактерия нападает, тело немедленно защищается, высылая штурмовые отряды белых кровяных клеток с мест их дислокации в селезенке и костном мозге, чтобы противостоять вторжению. Это первые потери в масштабной войне клеток, которая начинается, когда чужой биоагент вторгается в тело. Доктор Поттер знала, что любое помутнение спинномозговой жидкости будет означать присутствие в ней лейкоцитов.

Она наклонилась и стала наблюдать за манометром – прозрачной вертикальной трубкой, куда должна была поступать спинномозговая жидкость. Первой неожиданностью для Лауры стало то, что жидкость не стала понемногу сочиться, а прямо-таки захлестала из-за опасно высокого давления.

А второе, чего Лаура никак не ожидала, – вид самой жидкости. Малейшая непрозрачность означала бы, что дела мои плохи. Но то, что хлынуло в трубку, было вязким и белым, с легким зеленоватым оттенком.

Моя спинномозговая жидкость была полна гноя.

Глава 3

Из ниоткуда

Доктор Поттер отправила сообщение доктору Роберту Бреннану – коллеге по линчбергскому госпиталю и специалисту по инфекционным заболеваниям. Пока они ждали результатов анализов из лаборатории, успели обсудить все возможные диагнозы и варианты лечения.

Минута шла за минутой, а я продолжал стонать и корчиться, привязанный к каталке. Однако когда пришли результаты анализов, картина оказалась еще более угрожающей. Окрашивание по Граму (химический тест, названный в честь датского врача, который изобрел способ классифицировать вторгшиеся бактерии как грамположительные или грамотрицательные) показало грамотрицательный результат, что было в высшей степени необычно.

Тем временем компьютерная томограмма головы показала, что менингеальная оболочка мозга сильно опухла и воспалилась. В трахею мне ввели дыхательную трубку, и теперь аппарат НВЛ дышал за меня (ровно двенадцать вдохов-выдохов в минуту). Вокруг моей кровати выстроилась целая батарея мониторов, которые записывали все происходящее в моем теле и мозге.

У большинства из тех очень немногих взрослых людей, которые заболевают бактериальным менингитом, вызванным кишечной палочкой, не в результате хирургического вмешательства или проникающей травмы головы, это обусловлено какими-то сопутствующими заболеваниями, например иммунной недостаточностью (к которой приводит СПИД или ВИЧ). Но у меня не было ничего, что сделало бы меня восприимчивым к *E. coli*. Другая бактерия может проникнуть в мозг из носовых пазух или среднего уха, но только не кишечная палочка – цереброспинальное пространство слишком хорошо отделено от остального тела. Если только позвоночник или череп не проколоты (например, вживленным мозговым стимулятором или шунтом, вставленным нейрохирургом), бактерия типа *E. coli* просто не может попасть туда. Я собственноручно вставил сотни шунтов и стимуляторов в мозг пациентов и разбираюсь в вопросе, и я понимаю, как была озадачена Лаура – у меня было заболевание, которого просто не могло быть.

Вокруг моей кровати выстроилась целая батарея мониторов, которые записывали все происходящее в моем теле и мозге.

Все еще не в силах смириться с результатами анализов, врачи обзвонили экспертов по инфекционным заболеваниям в ведущих научных медицинских центрах. Все согласилось, что анализы указывают только на один возможный диагноз.

Но сильнейший бактериальный менингит был не единственной медицинской странностью, которой я удивил врачей в тот первый день в госпитале. Перед тем как меня перевели из приемного отделения, после двух часов диких криков и стонов я вдруг затих, а затем выкрикнул три слова.

Они прозвучали совершенно четко, и их слышали все врачи и медсестры, что находились рядом, и Холли, стоявшая в нескольких шагах, прямо за занавеской.

– Господи, помоги мне!

Все кинулись к каталке, но когда они подбежали, я был в беспамятстве.

Сам я ничего не помню о реанимации и об этих словах, которые я прокричал. Это было последнее, что я смог сказать перед недельной комой.

Глава 4

Эбен IV

Время шло, а я продолжал угасать. Уровень глюкозы в спинномозговой жидкости у нормального здорового человека – примерно восемьдесят миллиграмм на декалитр. У человека, умирающего от бактериального менингита, он может упасть до двадцати миллиграмм на декалитр. У меня этот показатель равнялся одному.

По шкале глубины комы Глазго мне ставили восемь баллов из пятнадцати, что указывало на серьезное поражение мозга, и в течение следующих дней этот показатель продолжал расти. Показатель по APACHE2 (шкала оценки острых физиологических расстройств и хронических функциональных изменений) был восемнадцать из семидесяти одного, то есть мои шансы умереть в больнице приближались к 30 %. А с учетом диагноза – острый грамотрицательный бактериальный менингит – и резкого угасания неврологических функций, я бы дал себе в лучшем случае 10 % процентов на выживание. В таких случаях, если не вмешаются антибиотики, в течение ближайших дней риск летального исхода неуклонно растет, пока не достигает необратимых 100 %.

Врачи ввели мне внутривенно три мощных антибиотика и перевезли в большую одну-местную палату № 10 в отделении интенсивной терапии, этажом выше реанимации.

Я много раз бывал в этом отделении как хирург и знал, что сюда помещают самых тяжелых пациентов, которые находятся в шаге от смерти. Слаженная команда врачей и медсестер, упорно борющаяся за жизнь пациента, когда всё против него, – это потрясающее зрелище. Я испытал здесь и огромную гордость, и жестокое разочарование – в зависимости от того, удалось ли нам вытащить пациента с того света, или он ускользнул из наших рук.

Доктор Бреннан и остальные врачи поддерживали в Холли надежду, насколько это было возможно в данных обстоятельствах. Но особого повода для оптимизма не было. По правде говоря, все указывало на то, что я умру, причем очень скоро. А если и выживу, то нет гарантий, что бактерия, проникшая в мой мозг, не сожрала кортекс настолько, что вся высшая деятельность стала невозможной. Чем дольше я находился в коме, тем больше была вероятность, что остаток своих дней я проведу овощем.

Нужно сказать, что на помощь мне пришел не только персонал госпиталя Линчберга. Майкл Салливан, наш сосед и пастор епископальной церкви, прибыл в реанимацию через час после Холли.

Как раз в тот момент, когда моя жена выбежала из дому вслед за скорой, ей позвонила ее давняя подруга Сильвия Уайт, которая всегда непостижимым образом возникала именно тогда, когда происходило что-то важное. Холли была уверена, что она экстрасенс. (Для себя я выбрал более безопасное и разумное объяснение, что Сильвия просто очень догадлива.) Холли коротко рассказала Сильвии, что происходит, и они распределили между собой звонки моим сестрам: Бетси, которая жила поблизости, младшей Филлис (ей было сорок восемь), живущей в Бостоне, и старшей Джин.

В тот понедельник Джин проезжала через Виргинию, направляясь из своего дома в Делавэре на юг, в Уинстон-Сейлем, к нашей матери. Ей позвонил ее муж Дэвид.

– Ты уже проехала через Ричмонд? – спросил он.

– Нет, – ответила Джин. – Я сейчас севернее его, на трассе 1 —95.

– Сверни на Западную дорогу 60, затем на 24 к Линчбергу. Только что звонила Холли. Эбен в реанимации. У него был приступ утром, и он без сознания.

– О Боже! Кто-нибудь знает, что с ним?

– Они не уверены, но это может быть менингит.

Эбен IV узнал обо всем от Филлис. Она дозвонилась ему в Университет Делавэра только в три часа. Эбен выполнял на террасе какую-то научную работу (у нас семейная династия: мой отец был нейрохирургом, и Эбен тоже заинтересовался этой профессией), когда услышал звонок телефона. Филлис коротко описала ситуацию и сказала ему не волноваться – у врачей всё под контролем.

– Они уже поставили диагноз? – спросил Эбен.

– Ну, они что-то говорили про грамотрицательную бактерию и менингит.

– У меня два экзамена в ближайшие дни, мне нужно предупредить преподавателей, – сказал Эбен.

Позже он говорил, что сперва не мог поверить, что я и правда в таком критическом состоянии, как следовало из слов Филлис, потому что они с Холли вечно «делали из мухи слона» и я никогда не болел. Но когда часом позже ему позвонил Майкл Салливан, он понял, что нужно ехать домой – и немедленно.

На подъезде к Виргинии его застал проливной ледяной дождь. Филлис вылетела из Бостона в шесть часов, и, когда

Эбен подъезжал к мосту 1 —495 через Потомак, ее самолет пробирался сквозь облака над ним. Она прилетела в Ричмонд, взяла напрокат машину и поехала по трассе 60.

Не доезжая нескольких миль до Линчберга, Эбен позвонил Холли.

– Как там Бонд? – спросил он.

– Спит, – ответила Холли.

– Тогда я поеду прямо в госпиталь.

– Ты уверен, что не хочешь заехать сперва домой?

– Нет, – ответил Эбен. – Я хочу видеть папу.

К отделению интенсивной терапии Эбен подошел почти в полночь. Дорожка к корпусу подернулась льдом. Когда он вошел в вестибюль, залитый ярким светом, там сидела только ночная дежурная медсестра. Она провела его в мою палату.

К тому времени все, кто дежурил у моей постели, разошлись по домам. Единственными звуками, которые слышались в этой большой, тускло освещенной комнате, было тихое попискивание и шипение аппаратов, поддерживающих жизнь в моем теле.

Увидев меня, Эбен замер на пороге. За двадцать лет своей жизни он никогда не видел, чтобы я болел чем-то серьезнее простуды. А теперь он смотрел на нечто, больше всего напоминающее труп, несмотря на все старания аппаратуры. Мое физическое тело лежало перед ним, но отца, которого он знал, здесь не было.

Или, точнее сказать, он был не здесь.

Глава 5

Другой мир

Тьма, но не плотная – как будто ты погружен в жидкую грязь, но можешь что-то видеть через нее. Или, скорее, это больше похоже на грязевое желе – оно прозрачное, но в нем все расплывается и мерцает, сдавливает со всех сторон и мешает дышать.

Сознание присутствует, но без памяти или самоидентификации – ощущения как во сне, когда ты понимаешь, что происходит вокруг, но не имеешь ни малейшего понятия, кто ты и что ты. Звук тоже есть: глубокое, ритмичное биение, отдаленное, но такое сильное, что каждый удар проходит прямо сквозь тебя. Сердцебиение? Похоже, но звучит глубже и более механически – скорее лязг металла о металл, как будто кузнец-великан бьет по наковальне где-то глубоко под землей; бьет так сильно, что вибрация проходит сквозь землю – или грязь, или желе, или что это вокруг.

У меня нет тела – во всяком случае, я его не чувствую. Я просто... здесь – в месте, где пульсирует и бьется тьма.

Когда я пишу эти строки, мне на ум приходит термин «предвечный», но там я не знал такого слова. Я вообще не знал никаких слов, они появились гораздо позже, когда я вернулся в этот мир и стал записывать свои воспоминания. Язык, эмоции, логика – все это пропало, как если бы я вернулся в развитии назад, к самому началу жизни, стал примитивной бактерией, которая незаметно овладела моим мозгом и разрушила его.

Как долго я находился в этом мире? Я не знаю. В месте, где пропадает привычное нам чувство времени, невозможно адекватно описывать свои ощущения. Я просто чувствовал (что бы ни было этим «я»), что всегда был здесь и всегда буду. И я был не против остаться здесь навсегда. Да и зачем бы мне возражать – в конце концов, это состояние бытия было единственным, какое я знал! Без воспоминаний о лучшей жизни меня не особенно заботило, где я нахожусь. Я вспомнил, что могу выжить, а могу и не выжить, но оказался настолько равнодушен к этому, что обрел замечательное чувство неуязвимости. Я не имел ни малейшего понятия, какие правила действуют в том мире, куда я попал, но я не торопился узнать их. Да и куда спешить, в конце концов?

Не могу сказать точно, когда это случилось, но в какой-то момент я стал осознавать некоторые объекты вокруг себя. Они напоминали не то корни, не то кровеносные сосуды в обширной мрачной утробе. Светясь темным, тускло-красным светом, они тянулись откуда-то сверху и уходили куда-то вниз. Это было похоже на то, как если бы я был кротом или земляным червем, который зарылся глубоко в землю, однако все же может видеть переплетенные пучки корней. Вот почему, размышляя об этом позже, я назвал это место «миром земляного червя». Долгое время я подозревал, что это могла проснуться память о том, что испытывал мой мозг, когда бактерия расплодилась в нем.

Кто бы я ни был, что бы я собой ни представлял, я был не отсюда. Надо было выбираться наружу.

Но чем больше я думал об этом (опять же, это было гораздо, гораздо позже), тем меньше смысла находил в этом объяснении. Потому что – тяжело это описать тому, кто сам не был там, – мое сознание в тот момент не было затуманено или искажено. Оно было просто... ограничено. Там я не был человеком. Я не был даже животным. Я был чем-то более древним и примитивным – одинокой точкой сознания в безвременье красно-коричневого моря.

Чем дольше я находился там, тем менее комфортно себя чувствовал. Сначала я был так глубоко погружен в эту среду, что не видел разницы между «мной» и полузагадочной, полужнакомой стихией вокруг. Но постепенно ощущение глубокого, бесконечного и безграничного погружения уступило место чему-то другому – чувству, что я вовсе не являюсь частью этого подземного мира, а просто застрял в нем.

Фантазмагорические морды животных проступали из грязи, стонали и визжали, а затем исчезали. Иногда я слышал глухой рев. Порой он сменялся невнятными ритмичными песнопениями, которые были одновременно и пугающими, и странно знакомыми, как если бы я когда-то знал их и пел сам.

Поскольку у меня не было воспоминаний о предыдущем существовании, время в этом мире тянулось и тянулось. Месяцы? Годы? Вечность? Неизвестно. В какой-то момент отвращение полностью перевесило ощущение уюта. Чем больше я отделял свое «я» от окружающего холода и сырости, тем более уродливыми и жуткими становились морды, выплывающие из тьмы. Далекие ритмичные удары стали резче и сильнее, как будто подземная армия троллей занялась бесконечной монотонной работой. Теперь я скорее ощущал, чем видел движение вокруг себя, как будто существа, похожие не то на рептилий, не то на червей, протискивались мимо, случайно задевая меня своими скользкими или колючими телами.

Затем я осознал запах: в нем было что-то и от фекалий, и от крови, и от рвоты. Биологический запах – но не биологической жизни, а биологической смерти. Чем лучше я осознавал себя, тем больше мной овладевала паника. Кто бы я ни был, что бы я собой ни представлял, я был не отсюда. Надо было выбираться наружу.

Но куда?

Как только я задал этот вопрос, что-то возникло во тьме наверху – оно не было холодным, или мертвым, или темным, но представляло собой противоположность всему этому.

Остатка жизни мне не хватит, чтобы воздать должное тому, что пришло ко мне, чтобы описать хотя бы приблизительно, как это было прекрасно.

Но я попробую.

НЕ ВАЖНО, ЧТО СЛУЧИТСЯ ДАЛЬШЕ, – КТО-ТО ВСЕГДА БУДЕТ
СИДЕТЬ РЯДОМ СО МНОЙ И ДЕРЖАТЬ МЕНЯ ЗА РУКУ.

Глава 6

Якорь жизни

Филлис приехала на больничную стоянку через два часа после Эбена IV. Поднявшись ко мне в палату, она увидела, что мой сын сидит у моей кровати и держит перед собой больничную подушку, чтобы не уснуть.

– Мама дома с Бондом, – сказал он, и в его голосе слышалась усталость, напряжение и облегчение оттого, что он видит ее.

Филлис уговорила Эбена ехать домой, сказав, что, если после дороги из Делавэра он просидит здесь всю ночь, завтра от него не будет никакого толку – ни его маме, ни отцу. Она позвонила к нам домой и сказала Холли и Джин, что Эбен IV скоро приедет, а она останется в моей комнате на ночь.

– Езжай домой к маме, брату и тете, – сказала она ему. – Ты им нужен. С твоим папой все будет нормально, когда ты вернешься завтра.

Эбен IV оглянулся на мое тело: на прозрачную дыхательную трубку, которая спускалась из правой ноздри в трахею, на мои тонкие, уже потрескавшиеся губы, на закрытые глаза и обмякшее лицо.

Филлис прочла его мысли.

– Иди домой, Эбен, и попытайся не волноваться. Твой папа все еще с нами. И я не собираюсь его отпускать.

Она подошла к постели, взяла мою руку и стала массировать ее. Так она и просидела остаток ночи – в компании аппаратов и ночной сестры, которая каждый час приходила проверить мое состояние. Все это время Филлис держала меня за руку, поддерживая связь, которая – она знала это точно – была необходима для того, чтобы помочь мне выбраться из этой напасти.

Существует расхожее убеждение, что южане очень привязаны к своим семьям. Как и многие другие расхожие убеждения, это чистая правда. Когда в 1988 году я приехал в Гарвард, мне бросилось в глаза, что северяне, в отличие от жителей Юга, немного стесняются признавать тот факт, что твоя семья – это ты.

Всю мою жизнь отношения с семьей – родителями и сестрами, а позже с Холли, Эбеном IV и Бондом – были источником моей жизненной силы и уверенности в себе, а с годами это чувство только усиливалось. К семье я обращался за безоговорочной поддержкой, а это такая вещь, которая слишком часто оказывается в дефиците.

Порой я заходил с Холли и детьми в нашу епископальную церковь. Но, по правде говоря, не намного чаще, чем на Рождество и Пасху. Я поощрял сыновей читать молитвы на ночь, но не был духовным лидером в нашем доме. Я никогда не мог избавиться от сомнения – как Бог может существовать в нашей материальной реальности? В детстве мне очень хотелось верить в Бога, небеса и потустороннюю жизнь, однако годы, проведенные в строгом научном мире академической нейрохирургии, настойчиво возвращали меня к вопросу, как такие невообразимые вещи могут существовать. Современная неврология принимает за аксиому, что именно мозг развивает сознание – или ум, душу, дух, как ни называй эту невидимую, но неотъемлемую часть человека, которая одна делает его тем, кто он есть на самом деле, – ну меня едва ли были поводы сомневаться в этом.

Как большинство медработников, которые имеют дело с умирающими пациентами и их семьями, я слышал о совершенно необъяснимых событиях и даже присутствовал при некоторых из них. Я заносил эти случаи в разряд «непонятных» и не пытался докопаться до истины, а вместо этого призывал на помощь здравый смысл и придумывал такое объяснение, которое удовлетворило бы всех.

Не то чтобы я отрицал веру в сверхъестественное. Как врач, который все время видит сильнейшие физические и душевные страдания, я не имел права лишать людей того успокоения и надежды, которую дает вера. На самом деле я бы и сам от них не отказался.

Однако чем старше я становился, тем меньше для меня оставалось шансов обрести Бога. Как океан вымывает песок с пляжа, так и мое научное мировоззрение мягко, но неуклонно подрывало мою способность верить во что-то непознаваемое. Наука постоянно находила новые свидетельства того, что наше значение во Вселенной стремится к нулю. Верить во что-то иное – это было бы так приятно! Но наука не занимается тем, что приятно. Она занимается тем, что существует.

По натуре я кинестетик, то есть, проще говоря, я обучаюсь через действие. Если я не смогу что-то пощупать, вряд ли оно заинтересует меня. Это желание дотянуться и прикоснуться к тому, в чем я пытаюсь разобраться (а также желание походить на отца), и привело меня в нейрохирургию. При всей своей загадочности и абстрактности человеческий мозг невероятно реален. Будучи студентом-медиком в Дьюке, я испытывал восторг, когда глядел в микроскоп и своими глазами видел тонкие удлинённые клетки нейронов, которые вызывают синаптическую связь, порождающую сознание. Мне нравилось, что операции на мозге представляют собой сочетание абстрактных знаний с абсолютной физиологичностью. Чтобы достичь мозга, нужно оттянуть слои кожи и тканей, покрывающих череп, и применить высокоскоростное пневматическое устройство под названием «сверло царя Мидаса». Это очень хитроумное оборудование, стоящее тысячи долларов. Но если вникнуть в суть, это все равно просто... сверло.

Как врач я не имел права лишать людей того успокоения и надежды, которую дает вера.

Точно так же, когда мы хирургически чиним мозг – при всей сверхсложности этой задачи, – этот процесс ничем не отличается от починки аппаратуры, работающей на электричестве. И я прекрасно знал, что мозг – это, собственно, и есть аппарат, вырабатывающий сознание. Конечно, ученые еще не узнали, как именно нейроны мозга это делают, но это лишь вопрос времени. Ежедневно в операционной я видел тому доказательства. Пациент приходит с головной болью и ухудшением памяти. Вы берете снимок МРТ его мозга и видите опухоль. Вы даете пациенту общий наркоз, удаляете опухоль, и через несколько часов он выходит обратно в мир. Больше никаких головных болей. Никаких проблем с сознанием. Все очень просто!

Я обожаю эту простоту – абсолютную честность и чистоту науки. Я уважаю ее за то, что в ней нет места фантазиям или домыслам. Если факт может быть определен как подтвержденный и заслуживающий доверия, он принимается. Если нет – отвергается.

Такой подход едва ли оставляет место для души и духа, для идеи о существовании личности после того, как мозг, поддерживающий ее, прекратил функционировать. И в нем еще меньше места для слов, которые повторяют в церкви снова и снова: «вечная жизнь».

Вот почему я так сильно рассчитывал на свою семью – на Холли и наших мальчиков, на моих трех сестер и, конечно, на маму с папой. Я бы не смог заниматься своей профессией – делать изо дня в день все то, что я делал, и видеть все то, что я видел, – не опираясь на их любовь, поддержку и понимание.

И вот почему Филлис (посоветовавшись с Бетси по телефону) решила той ночью дать мне обещание от имени всей семьи. Сидя в больничной палате и держа мою обмякшую, почти безжизненную руку в своей, она сказала мне, что не важно, что случится дальше, – кто-то всегда будет сидеть рядом со мной и держать меня за руку.

– Мы тебя не отпустим, Эбен, – сказала она. – Тебе необходим якорь, чтобы удержаться здесь, в этом мире, где ты нам так нужен. И мы позаботимся об этом.

Она и не подозревала, насколько важным окажется этот якорь.

Глава 7

Струющаяся мелодия и шлюз

Во тьме что-то возникло.

Оно медленно вращалось и испускало тонкие волокна белого света, так что тьма вокруг меня начала раскалываться и распадаться.

Затем я услышал новый звук – живой звук, прозвучавший как самая богатая, сложная и прекрасная мелодия на свете. Нарастая по мере того, как яркий свет спускался ко мне, эта мелодия стирала монотонное механическое биение, которое было здесь со мной, казалось, целую вечность.

Свечение все приближалось, вращаясь и испуская эти волокна чистого белого света, которые, как я теперь мог видеть, то тут, то там отливали золотом.

Затем в самом центре этого света возникло что-то еще. Я изо всех сил сосредоточился, пытаюсь понять, что это такое.

Отверстие. Теперь я смотрел не на медленно вращающееся свечение, а внутрь него.

Как только я понял это, меня понесло вверх. Быстро. Раздался свистящий звук, я стремительно пролетел сквозь отверстие и обнаружил себя в совершенно новом мире. Никогда не видел я ничего более странного и прекрасного.

Сияющий, вибрирующий, потрясающий, поразительный... Я мог бы громоздить одно прилагательное на другое, чтобы описать, как этот мир выглядит и ощущается, но все это будет не то. Я чувствовал себя так, как будто только что родился. Не возродился и не родился заново. Просто – родился.

Подо мной был сельский ландшафт. Пышная зелень, похожая на земную. Это была Земля... и в то же время не Земля. Как будто родители привезли тебя туда, где прошло твое раннее детство. Ты не узнаешь пейзаж. Или, по крайней мере, думаешь, что не узнаешь. Но когда оглядываешься кругом, что-то берет тебя за душу, и ты понимаешь, что где-то глубоко внутри все же хранятся воспоминания об этом месте, и тебе становится радостно оттого, что ты вернулся сюда.

Я летел над деревьями и полями, реками и водопадами. Внизу то тут, то там мелькали люди. Здесь были дети – они играли и смеялись. Взрослые пели и танцевали в кругах, а иногда я видел веселых собак, которые бегали и прыгали среди людей. На жителях этого мира были простые, но прекрасные одежды, и мне показалось, что цвет этих одежд нес в себе то же живое тепло, что и благоухающие деревья и цветы.

Чудесный, невероятный мир снов...

Но только это был не сон. Хотя я не знал, где я и что я, одно было несомненно: место, куда я так внезапно попал, совершенно реально.

Слово «реальный» звучит абстрактно, оно бессильно передать то, что я пытаюсь сказать. Представьте себе, что вы ребенок и летним днем идете в кино. Фильм хороший, и вы забываете обо всем на свете, уставившись на экран. Но вот сеанс заканчивается, и вы выходите на улицу – обратно в глубокое, густое, живое тепло летнего полдня. Вдыхая свежий воздух и жмурясь на солнышке, вы думаете: и чего ради было тратить этот роскошный день, сидя в темном кинотеатре?

Умножьте это чувство на тысячу, и вы все еще не приблизитесь к тому, что ощущал я там.

Не могу сказать, как долго длился мой полет. (Время здесь течет не так, как наше линейное время на Земле, и это так же безнадежно сложно описать, как любой другой аспект моего пребывания там.) Но в какой-то миг я понял, что не один.

Кто-то был рядом со мной – прекрасная девушка с высокими скулами и синими глазами. Одежда на ней была похожа на ту, что носили жители деревни внизу. Золотисто-каштановые локоны обрамляли милое лицо. Мы мчались с ней, сидя на какой-то поверхности, замысловато расписанной узорами неопишимо ярких и живых цветов, – это было крыло бабочки. На самом деле вокруг нас были миллионы бабочек – огромные порхающие волны, ныряющие в кроны деревьев и возвращающиеся обратно к нам. Как если бы это были не отдельные бабочки, а река жизни и цвета, движущаяся сквозь воздух. Мы закладывали неторопливые виражи мимо распускающихся цветов и почек на деревьях, которые раскрывались, когда мы подлетали ближе.

Одежда девушки была простая, но цвета ее – сизоголубой, индиго и персиковый – были такими же потрясающе густыми, живыми и насыщенными, как все, что нас окружало. Она посмотрела на меня – и если бы вы видели этот взгляд, то решили бы: что бы ни случилось дальше, оно стоит этих мгновений. Этот взгляд не был романтическим. Не был он и дружеским. Каким-то образом он был вне всех разновидностей любви, которые мы знаем здесь, на Земле. В глазах девушки светилось что-то более высокое, более подлинное и чистое, чем все возможные виды любви.

Она заговорила со мной, не прибегая к помощи слов. Ее послание прошло сквозь меня как ветер, и я мгновенно понял, что она говорит правду. Я знал это – точно так же как и то, что окружающий нас мир реален, что это не фантазия, мимолетная и нематериальная.

В послании было три части, и, если перевести его на земной язык, звучало оно примерно так:

- Тебя нежно любят и ценят – вечно.
- Тебе нечего бояться.
- Здесь нет ничего, что ты можешь сделать неправильно.

От ее слов меня затопило огромное и сумасшедшее чувство облегчения. Как будто меня наконец посвятили в игру, в которую я играл всю свою жизнь, не понимая этого.

– Мы многое покажем тебе здесь, – сказала девушка, вновь передавая мне мысль напрямую. – Но в конце концов ты вернешься обратно.

У меня возник вопрос:

– Обратно – куда?

Вспомните сейчас, кто перед вами. Я не профан, набитый сантиментами. Я знаю, как выглядит смерть. Я знаю, каково это – когда живой человек, с которым ты раньше разговаривал и шутил, на операционном столе превращается в безжизненную плоть, и это после того, как ты часами бился за то, чтобы поддержать эту биомашину в рабочем состоянии. Я знаю, как выглядят страдания и безответное горе на лицах любящих, понесших немыслимую утрату. Я знаю биологию, и хотя я не физик, разбираюсь и в этом тоже. Я знаю разницу между выдумкой и реальностью – и я знаю, что мои переживания, о которых я пытаюсь дать вам смутное, совершенно неудовлетворительное впечатление, были самыми реальными переживаниями в моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.